

Байки про царя. Занимательные истории из жизни Николая I, выдуманные и правдивые

ОСКОРБЛЕНИЕ ИВАНОВУ

Однажды какой-то крестьянин или мастеровой, Иванов или Петров, напился до потери разума в одном из питерских кабаков и начал нестерпимо сквернословить так, что даже целовальнику стало невмочь его слушать.

— Постыдись ты,— уговаривал он пьяного,— ведь тут царский портрет!

— Что мне царский портрет, я плюю на него! — орал Иванов, очевидно, не сознавая, что мелет его язык.

Его, конечно, немедленно препроводили в "холодную". Дело приняло скверный оборот: оскорбление Величества в общественном месте, о чем сочли необходимым доложить императору Николаю Павловичу. Но тот только рассмеялся и сказал:

— Объявите Иванову, что я тоже на него плюю, и отпустите его.

* Целовальник — кабатчик, присягнувший целованием святого креста в том, что будет торговать честно, то есть не разбавляя вино и водку.

В ОЖИДАНИИ СВИДАНИЯ

— Ну что, доволен ты Анной? — спрашивал император Николай Павлович у одного из офицеров на приеме по случаю вручения орденов.

— Сам я доволен, Ваше Величество,— ответил офицер,— да Анна очень скучает по Владимиру.

— Это ничего,— сказал император, пригубив шампанского.— Пусть поскучает подольше, более будет радости при свидании.

ЛЕГЕНДА О «ФИРМЕННЫХ» КОТЛЕТАХ

Существует предание, что по дороге из Петербурга в Москву Николай I остановился в Торжке, в трактире Пожарского. В меню, которое посланные вперед курьеры согласовали прежде, значились телячьи рубленые котлеты. Но вот беда — у Пожарского в тот момент не оказалось телятины. Поэтому он, не долго думая, приготовил котлеты из куриного филе. Царь был в восторге и повелел узнать рецепт приготовления котлет, нареченных им «пожарскими».

ИСПОЛНЯЯ ЦАРСКИЙ УКАЗ

Однажды за кулисы Александрийского театра зашел Николай I в сопровождении адъютанта. Им навстречу попался знаменитый трагический актер В. Каратыгин.

— Послушай, Каратыгин, — сказал царь. — Говорят, ты хорошо представляешь лица. Изобрази-ка меня, я приказываю!

— Приказания Вашего Величества исполняются неукоснительно,— по-гвардейски отчеканил Каратыгин.

Тут же он встал в соответствующую позу, вскинул голову, глаза его стали оловянными. И голосом царя, небрежно, через плечо, бросил адъютанту: «Послушай! Пошли-ка актеришке Каратыгину корзину шампанского!»

Довольный царь рассмеялся и изрек: «Быть по сему!»

На утро актеру на дом была доставлена корзина шампанского.

АКТЕРСКАЯ ПРИВИЛЕГИЯ

Император Николай Павлович провинившихся своих любимцев журил самолично, не прибегая ни к каким наказаниям через начальство. Актеров Мартынова и Максимова он часто корил за пристрастие к спиртным напиткам и отечески увещевал их беречь себя для искусства, которое находило в его лице знатока и покровителя. Оба актера всегда стояли перед государем, вытянувшись, и клятвенно обещали исправиться. Но, разумеется, не исправлялись.

Однажды император встретил за сценой пошатывавшегося Мартынова, который, завидя его, хотел скрыться незамеченным в уборной.

— Мартынов! — окликнул его Николай Павлович. Александр Евстафьевич приободрился и браво подошел к нему.

— Пьян?

— Так точно, Ваше Величество!

— А помнишь, как обещал мне исправиться?

— Я-то помню, Ваше Величество. Да враг мой не помнит!

— Да ты от врагов держись подальше!

— А этого никак нельзя. Ваше Величество!

— Это почему же?

— Потому что они в одно и то же время и друзья мои.

— Эх, Мартынов, что мне делать с тобой?

— Простить, Ваше Величество! Ведь с таким дураком, как я, другой бы и разговаривать не стал!

Государь рассмеялся и отошел от неукротимого комика.

УНИКУМ

Незадолго до кончины, в последний свой приезд в Петербург, адмирал Михаил Петрович Лазарев (1788-1851) был на приеме у Николая I. После самого милостивого разговора, желая показать адмиралу особое расположение, государь сказал:

— Старик, останься у меня обедать.

— Не могу, государь,— ответил Михаил Петрович. — Я дал слово обедать у адмирала Г.

Сказав это, Лазарев вынул свой хронометр, взглянул на часы и, порывисто встав, промолвил:

— Опоздал, государь!

Потом поцеловал озадаченного императора и быстро вышел из кабинета. Вошедшему князю Орлову Николай Павлович сказал:

— Представь себе, в России есть человек, который не захотел со мною отобедать!

КАК ИВАН ФЕДОРОВИЧ ВО ДВОРЕЦ ПОПАЛ

После смотра войск, расположенных в Варшаве, император, оставшись чрезвычайно довольным найденным им порядком, обратился к окружающим его офицерам и сказал:

— Господа генералы и штаб-офицеры! Прошу ко мне обедать.

Возвратясь в Лазенковский дворец, государь усомнился, принял ли это приглашение фельдмаршал князь Паскевич, так как оно не было обращено к нему особо. Государь приказал призвать к себе конвойного.

Явился кавказец.

— Поезжай сейчас к Ивану Федоровичу, — сказал ему государь, — проси его ко мне обедать да скажи, что я без него не сяду за стол.

Конвойный поскакал, но дорогой пришел в раздумье: кто такой Иван Федорович? Для разъяснения недоразумения он обратился к первому попавшемуся городовому или будочнику, как они назывались тогда.

— Где живет Иван Федорович? — спросил он его.

— А вон в том переулке, — объяснил тот, указывая в переулок. — В трехконном доме, под зеленою крышею.

Будочник не витал далеко: весь мир для него представляла его будка с ближайшими домами, а самым великим человеком был квартальный надзиратель Иван Федорович, к которому он и направил конвойного. Казак позвонил. Вышла кухарка.

— Здесь ли живет Иван Федорович?

— Здесь.

— Скажи ему, что государь прислал просить его к себе обедать.

— Да они уже покушали, — наивно отвечала кухарка. — И спать легли.

— Мне до этого дела нет. Я должен исполнить повеление государя.

Ивана Федоровича разбудили. Конвойный передал ему приглашение. Старик квартальный стал выражать сомнение, и конвойный счел своим долгом присовокупить — Мало того, что государь приглашает вас кушать, но приказал вам сказать, что без вас и за стол не сядет.

Мешкать, значит, было нечего. Старик, записав фамилию посланного и наскоро одевшись, отправился во дворец. Паскевич же прибыл к обеду по приглашению государя, обращенному вообще к генералам.

Во время обеда государь, заметив между обедающими невоенного старика, обратился к графу Бенкендорфу с вопросом:

— Кто это там сидит без эполет?

— Сейчас узнаю, Ваше Величество, — отвечал Бенкендорф, намереваясь встать.

— Нет, нет, — удержал его государь, — не конфузьте его, пусть обедает.

По окончании обеда государь снова предварил Бенкендорфа, чтобы тот разузнал «поделикатнее». Когда дело разъяснилось, государь от души рассмеялся. Навели тут же справки о квартальном. Или наружность последнего ему понравилась, но только государь подозвал его к себе и пожаловал часы, сказав:

— Ты хороший служака, вот тебе от меня.

ПО ЧИНУ И ЦЕНА

В начале 30-х годов, возвращаясь из Москвы, весной или осенью, государь Николай Павлович оставался в Твери несколько дней, ожидая безопасной переправы через Волгу. Поставщиком для стола государя и свиты

был местный купец-богач, который подал такой счет, что удивил всех принимавших эту бумагу.

— Неужели у вас все так дорого? — спросили купца.

— Нет, слава Богу, такие цены только для государя. Нельзя же ему продавать, как всякому прочему.

Стало известно это государю. Он пожелал видеть поставщика и спросил его:

— Так ты думаешь, что с меня надо брать как можно дороже?

— Точно так, Ваше Величество. Можно ли равняться в чем с Вашим Величеством нам, грешным рабам вашим? Все, что имею,— Ваше, Государь; но в торговом деле товар и цена по покупателю,— отвечал купец.

— Ты, пожалуй, и прав отчасти, но хорошо, что не все так думают, как ты. У вас в Твери и мне было бы не по карману.

Счет был оплачен, и Николай Павлович в Твери больше никогда не останавливался.

ИТОГ ПОХОДНОГО ОБЕДА

Однажды император Николай обогнал в дороге какую-то военную команду, шедшую походом под начальством офицера. Солдаты шли стройно и в большом порядке, что, видимо, понравилось Его Величеству, и он, поравнявшись, поздоровался с ними.

Остановясь для обеда на следующей станции и заметя через окно ту же проходящую мимо команду, государь велел флигель-адъютанту Ивану Ивановичу Гогелю позвать к нему офицера.

Вошедший офицер оказался совершенно юным прапорщиком, почти ребенком. Весь в пыли, он конфузливо остановился у двери. Николай Павлович ласково подозвал его к себе, спросил о фамилии и, указав на стул, предложил отобедать. Смущенный офицерик еще более растерялся и не знал, как приступить к еде. Но, ободренный государем, вначале робко, а затем смелее, начал есть все, что ему подавали с тем завидным аппетитом, который бывает только в ранние годы молодости.

В начале обеда разговор был несмел. Но понемногу, выпив стакана два доброго вина, язык нехотя у него развязался. На вопросы государя о его житье-бытье офицерик пустился уже без стеснения в такие подробности, что заставил улыбаться невольно всех присутствующих. Поощряемый смехом государя, юный собеседник его дошел в своей откровенности до того, что вскоре все интимные подробности его жизни и жития уездного города, в котором квартировал его полк, были досконально известны государю.

Так, между прочим, выяснилось, что офицерик влюблен в дочь казначея — прехорошенькую блондинку. Но что у последней есть соперница — коварная брюнетка, которая ревнует его к блондинке. Словом, юная душа вылилась вся нараспашку, забывая в увлечении, с кем ведет разговор. Долго потешал прапорщик государя своими наивными рассказами и когда наконец пришло время прекратить их, то до того понравился последнему, что государь, прощаясь с ним, подал ему руку и велел Гогелю записать его фамилию.

По прошествии некоторого времени неизвестный скромный армейский прапорщик был высочайшим приказом переведен в гвардию, и, когда потом он попадался на глаза Николаю Павловичу, на смотринах или на выходах, последний неизменно узнавал его и шутливо спрашивал: «Что пишет тебе возлюбленная и что подделывает ее ревнивая соперница?»

АРЕСТ ПО-ИМПЕРАТОРСКИ

Однажды император Николай Павлович, выйдя из университета, не сел в сани, а пошел пешком по Исаакиевскому мосту, где встретил трех студентов в расстегнутых сюртуках, без шпаги и не отдавших ему чести. Он остановился и спросил:

— Вы меня не знаете? Они отвечали:

— Не знаем, Ваше превосходительство!

Тогда он им велел отправиться на адмиралтейскую гауптвахту и сказать там, что государь их велел посадить под арест.

Когда студенты пришли на гауптвахту, офицер отвел их в арестантскую комнату. А через полчаса к гауптвахте подъехала фельдъегерская тройка, и фельдъегерь спросил: — Здесь ли трое студентов, которых велено отвезти в Зимний дворец?

Во дворце их встретил караульный офицер, давший знать об их прибытии царскому камердинеру, который провел их в большую комнату, где они увидели накрытый на три прибора стол. Камердинер сказал, что государь, полагая, что они еще не обедали, приказал подать им обед.

Их угостили отличным обедом с вином, затем подали три бокала шампанского, и в то же время из противоположных дверей появился Николай Павлович с бокалом в руке и сказал:

— Господа! Когда вы ели хлеб-соль русского государя, вы при встрече с ним узнаете его! — И выпил за здоровье университета. Потом он спросил фамилии каждого и молвил, что теперь они свободны и могут идти, куда им угодно.

«ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛЕНИЕ»

Летом 1840 года в Павловске обедали у великого князя Михаила Павловича его приближенные: Толстой, Триденер и Ростовцев. Кончился обед, как доложили, что какая-то почтенная старушка пришла с прошением. Не желая выходить, Михаил Павлович согласился на просьбу Якова Ивановича Ростовцева поручить ему объяснение с просительницей. Причем приказал ему назваться великим князем.

Прошение старушки, обремененной громадным семейством, состояло в том, чтобы вызвать ходатайство Его Высочества о даровании средств для возвращения из Сибири ее сосланного и ныне прощенного мужа.

Приняв на себя роль великого князя, Ростовцев предложил ей прибыть в Петербург по окончании лагерного сбора.

— Ваше высочество,— сказала старушка,— целых полтора, а может быть, и два месяца я должна ожидать по вашему приказанию. А между тем дети уже пухнут от голода.

В это время из любопытства, как сыграет Ростовцев возложенную на него роль, в приемную вошли Толстой и Триденер.

— Так вы, сударыня, говорите, что крайне нуждаетесь в деньгах? — спросил Ростовцев.

— Уж такую терплю, Ваше высочество, нужду — один бог знает!

— Хорошо! Толстой и ты, Тридинер, дадите по сто рублей!..

Хотя эти господа и не были особенно обрадованы этим сюрпризом, но делать нечего: вынули деньги и отдали. Хохоту потом было немало. Старушка же чувствовала себя на седьмом небе. Впоследствии она получила еще пятьсот рублей — на дорогу мужу.

* * *

В заключение отметим, что Николай Павлович охоты не любил и вовсе ею не занимался. Видимо, поэтому в число его любимых блюд дичь не входила. Зато все последующие государи Российской империи отдавали этой любимой царской забаве должную дань.